

РЕЦЕНЗИИ

Joachim Osipiński (red.), *Globalna gospodarka – lokalne społeczeństwo*, SGH, Warszawa 2001, 362 s.¹

Введение

Сегодня в сфере общественных наук нет темы более актуальной, чем глобализация. Но нет и темы, более сложной для анализа, чем эта; не потому, что отсутствует понятийный аппарат, концепции или данные, а потому, что общественное мнение, живо интересующееся данной проблематикой, требует от исследователя однозначных оценок (выступает ли он в обыденном понимании за глобализацию или против нее), а также способности предложить инструменты, при помощи которых можно было бы влиять на ход процесса глобализации. Целый ряд авторов из академических кругов испытывает на себе это давление, и в результате из-под их пера (точнее, с клавиатуры) выходят про- или антиглобализационные памфлеты. Эти произведения действительно дают простые ответы на сложные вопросы, однако они не могут удовлетворить интерес читателя, ждущего тщательного анализа, и ни в коем случае не могут и не должны становиться базой для проектов институциональных изменений.

Данное замечание может служить предостережением тем, кто намерен обратиться к книге «Глобальная экономика – локальное общество» под редакцией Иоахима Осипиньского в поисках простых ответов. Данный труд представляет собой сборник, состоящий из 26 научных статей, написанных преимущественно польскими специалистами по экономической, политической, социальной, культурной проблематике,

¹ *Глобальная экономика – локальное общество* / Под ред. И. Осипиньского. – Варшава: Главная коммерческая школа, 2001. – 362 с. (на польском языке).

которые исследуют вопрос о сфере и силе влияния глобализации на столь различные стороны жизни, как финансовые рынки, средства массовой информации, консалтинг или жилищное строительство.

Разнородность проблематики помещенных в сборнике статей заставляет задуматься над критериями отбора анализируемых тем и проблем. Обсуждение глобализационных процессов не может превратиться в своеобразную «интеллектуальную отмычку», делающую возможным произвольное сопоставление и соединение любых тем и проблем. Научный редактор рецензируемого сборника с честью вышел из этой трудной ситуации; вопрос о границах проблематики входящих в книгу статей был решен благодаря применению критериев, заявленных в названии. Название «Глобальная экономика — локальное общество» указывает на наличие того узла проблем, которые ведущая роль экономической глобализации порождает в других областях общественной жизни. Мобильность, динамизм, подверженность внешним воздействиям, характерные для вовлеченной в глобализацию экономики, нельзя оценивать как однозначно положительные в других сферах общественной жизни: они порождают проблемы, связанные с национальной самоидентификацией, пробуждают опасения относительно безопасности, ставят национальные политические институты, которые и без того находятся под перекрестным огнем прежних ожиданий граждан и новых ограничений, перед лицом новых вызовов. Все эти мотивы обнаруживаются нами в ходе анализа, проводимого во многих статьях рецензируемого сборника.

Возникает вопрос: не содержит ли заглавие, помимо указания на двойственный характер экономической глобализации, никакого нормативного подтекста? Думаю, что это не будет противоречить намерениям редактора книги и большинства авторов помещенных в ней работ, если мы предположим, что глобальной экономике противостоит и долго еще будет противостоять локальное общество, что гипотетическое название «Глобальная экономика — локальное общество» может быть названием только для произведения из разряда политической научной фантастики.

После вводных замечаний пора перейти к дискуссии по поводу некоторых мотивов из ряда статей, помещенных в сборнике, поскольку невозможно проанализировать все статьи, содержащиеся в рецензируемой книге. Даже самый

внимательный читатель не в состоянии охватить затронутую проблематику во всей ее полноте, в этом случае остается лишь руководствоваться собственными интересами и предпочтениями.

Грядет ли закат государства?

Порядок расположения статей в рецензируемом сборнике подсказывает порядок чтения: от экономической тематики (анализ структуры мировой экономики, анализ проблем стабильности международных финансовых рынков, анализ перспектив национальных валют и шансов конвергенции уровней экономического развития) через политэкономическую тематику (например, анализ факторов, влияющих на изменение степени автономности национальной политики в сфере экономики), теорию трансформации структур и функций государства на общенациональном и локальном уровнях, проблемы в сфере культуры к вопросам социальной политики в самом широком понимании этого слова (включая изменение роли профсоюзов и реформы в сфере жилищного строительства).

В то же время представляется, что полезно было бы во время чтения сборника «Глобальная экономика — локальное общество» задаться вопросом о детерминантах процесса глобализации, а в особенности о том, является ли глобализация неизбежным результатом технологического прогресса или же политическим проектом, реализация которого предполагает взаимодействие ведущих государств и их объединений (государств Триады развития и благосостояния). С этой точки зрения особое значение приобретает анализ, содержащийся в статье Иоахима Осиньского, которая озаглавлена «Институт государства в свете процессов глобализации». И. Осиньски отмечает активную роль государства в ходе экономической глобализации, напоминая, что «либерализация международной торговли является заслугой государств, которые в рамках ВТО (очередных раундов переговоров) создали условия для его развития, а также пролоббировали либерализацию потоков капитала» (С. 94). Одновременно автор высказывает несогласие с той точкой зрения, согласно которой государства являются «жертвами» экономической глобализации, ими же инициированной и обсуждавшейся в ходе переговоров вместе с другими государствами — жертвами в значении утраты

власти и потери контроля над экономическими и социальными процессами. Иоахим Осиньски доказывает, что — и это особенно верно в отношении парламентов, законодательной власти — современное государство никуда не исчезает, не самоустраивается, а проходит «динамичную и адаптационную эволюцию», позволяющую ему приспособиться к изменившимся условиям цивилизационного развития (С. 93-93). Осиньски упрекает авторов, исповедующих теорию «угасания силы государства», и в первую очередь К. Омае и Д. Коэна, в антиисторизме, статичности и одностороннем понимании сущности и роли государства.

Совершенно согласен с высказанными автором критическими замечаниями. Однако в порядке оправдания отвергаемых тезисов следует отметить, что Иоахим Осиньски опирается на полную, законченную концепцию государства (см. определение на С. 85), в то время как перечисленные авторы чаще всего пишут об отдельных аспектах функционирования государства и главным образом о его функциях по установлению и взиманию налогов и по перераспределению валового национального дохода.

Существует непосредственная связь между размышлениями И. Осиньского и статьей Яцека Земецкого и Катажины Жукровской под названием «Глобализация и национальная экономическая политика — раздел сфер влияния в отдельных странах мира». Авторы исследуют влияние экономической глобализации на методы осуществления политики в сфере экономики на уровне отдельных государств. В центре предпринятого Я. Земецким и К. Жукровской исследования оказалась оценка влияния либерализации международных экономических отношений на возможности проведения конкретными странами политики регулирования спроса (по Дж. Кейнсу), его стимулирования и поддержания бюджетного дефицита на высоком уровне («экономическая глобализация ограничивает расходы государства, уменьшает давление на рост бюджетного дефицита и лишает его соблазна повышать налоги». — С. 110). Авторы показывают, что «институционализация международных отношений увеличила предсказуемость поведения субъектов этих отношений, вводя открытые и заранее оговоренные правила игры» (С. 99), причем эти новые, более устойчивые (и более прочные) правила игры способны оказывать влияние на принятие рыночных решений (напр., в сфере корректировки валютного курса. — С. 109) и одновре-

менно снижать эффективность политического вмешательства в экономику.

Было бы ошибочным отождествлять взгляды авторов с точкой зрения, согласно которой мы являемся свидетелями триумфа «рынков» над «политикой». Приведем меткое замечание авторов: [...] практически нет никакого противоречия между национальной экономической политикой и политикой в глобальном масштабе. Государство передает определенную часть своих суверенных прав на международный уровень, чтобы облегчить принятие ряда трудных политических решений. [...] Тем самым одновременно достигаются цели на национальном и глобальном уровнях, что является естественным следствием координации национальных политик отдельных государств в рамках разветвленных институциональных структур, а также накопления суверенности» (С. 109).

Глобализация в глубинных структурах государства

В рамках проблематики, связанной с трансформациями института государства, остается и следующая статья рецензируемого сборника — работа Зыгмунта Барчика, озаглавленная «Эволюция предпринимательского подхода в сфере местного самоуправления в эпоху прогрессирующей глобализации». Автор показывает, какое сильное влияние оказывает экономическая глобализация на социальный сектор. Это влияние приводит ко «[...] все более смелому внедрению элементов экономических расчетов, логики предпринимательства в сфере управления, когда обычный потребитель социальных услуг начинает рассматриваться как клиент» (С. 140).

Автор связывает эти изменения с постепенным отказом от великих мифов, консолидирующих общество и способствующих тому, что государство рассматривается как средство для реализации коллективных целей, как олицетворяющая коллектив «власть», которая контролирует, но сама не подлежит контролю, распоряжается коллективными средствами, но не может оцениваться с позиции качества создаваемых ею для гражданина благ.

Такая эволюция означает распространение «англо-американской» модели социального сектора, которая предполагает внедрение рыночных механизмов в сфере, ранее полностью контролировавшейся государством как производителем и продавцом социальных услуг. Новый тип местного

самоуправления, однако, не сводится к переходу от локальной демократии, предполагающей активное участие масс в коллективных решениях, к менеджеризации и профессионализации оказания услуг. На горизонте появляются новые формы социального взаимодействия, «основанные на сотрудничестве в рамках сетевого сообщества, активном участии в кампаниях и акциях, спонтанном гражданском лоббинге» (С. 150).

Новые условия развития регионов являются также предметом рассуждений Кшиштофа Ярославского в статье «Направления и перспективы регионального развития в эпоху глобализации». Автор отмечает, что «[...] любая деятельность человека предполагает наличие территориального аспекта» (С. 128), в связи с чем большая часть социальных и экономических инициатив оказывается в сфере компетенции и влияния местного самоуправления. Это относится и к решениям предприятий о размещении и проведении экономической деятельности на конкретной территории, и к социальным и культурным инициативам отдельных лиц и социальных групп. Автор подчеркивает, что экономическая глобализация является внешним процессом по отношению к локальному сообществу, а извлечение выгод из нее зависит от способности к «налаживанию и совершенствованию взаимных контактов между разнородными субъектами» (С. 135).

Метафора сети

Экономическая глобализация открыто или в подтексте ряда статей отождествляется с увеличением динамики, а следовательно, непредсказуемости развития. Как подходить к этой рождающейся на наших глазах новой реальности, характеризующейся динамизмом и непредсказуемостью? Одним из возможных подходов, разработанных специально для анализа глобальной экономики, является концепция сети. «Сеть представляет собой чрезвычайно динамичную открытую систему, способную принимать нововведения, не утрачивая при этом равновесия», — пишет Мануэль Кастельс, первым применивший сетевой анализ к исследованию явления глобализации. И далее добавляет, что «сеть является инструментом, отвечающим требованиям капиталистической экономики, базирующейся на инновациях и достижениях науки».

Думается, у работ М. Кастельса вскоре появятся и польские последователи, а понятия, связанные с сетевым устройством

экономики и общества, обретут свои польские аналоги. Однако, пока этого не произошло, стоит обратиться к помещенной в рецензируемом сборнике работе Али Джакхлефа *Global networking, time-space compression and hyperrality*². Опираясь на метод и понятия Каstellьса, А. Джакхлеф рассматривает проблемы глобальной сети, сжатия пространства и времени и гиперреальности в контексте их применимости для анализа рождающейся на наших глазах глобальной экономики. В полном соответствии с идеями Каstellьса, работа Джакхлефа представляет собой попытку интерпретации новых явлений, анализа проблем новой экономики, активно использующей информацию, науку и коммуникационные технологии. Работа содержит множество примеров, преследующих цель убедить читателя в том, что «сетевой подход» позволяет выявить и лучше понять новые явления в сфере экономики. Так, например, использование понятия сети позволяет установить, что классическая портеровская цепь создания ценностей не является линейной, но представляет собой на самом деле сеть ценностей, создаваемую находящимися в разных частях мира инженерами и техниками (С. 199), а мериллом эффективности сети является не то, насколько велики ресурсы, а то, как быстро они перемещаются (С. 201).

Следует помнить о том, что миром бизнеса, как это убедительно доказывают Джон Миклтуайт и Эдриан Вулдридж в книге «Маги управления»³, руководят изменчивая мода, маги управления и мощные консалтинговые фирмы. А. Джакхлеф не рассматривает теорию сети в качестве новой парадигмы управления, но доказывает ее пригодность для выявления условий эффективного применения альтернативных концепций управления.

Мобильность людей, потоки знаков, мобильность самоидентификации

Сетевое устройство современного мира имеет определенные последствия для культурного самосознания. Это проблема затрагивается, в частности, в аналитической статье Беаты Нитецкой-Ягелло «Культурное самосознание и процессы

² Глобальная сеть, сжатие времени и пространства и гиперреальность.

³ J. Micklethwait, A. Wooldridge, *Szamani zarządzania*, Warszawa: Zysk i s-ka, 2000.

глобализации». Б. Нитецка-Ягелло анализирует влияние неравномерной миграции, распространения идеи прав человека и демократизации на культурную самоидентификацию. Она не стремится к формулировке простых обобщений, видя будущее, полное дилемм: сформируется ли и каким будет новое культурное самосознание, которое не будет служить лишь «политике новой самоидентификации», использующей отрицание инаковости в целях политической мобилизации? станет ли географическая мобильность средством всеобщего распространения единообразных принципов в целях достижения мирового прогресса или принесет лишь конфликты и дезинтеграцию? Собственно научный анализ не дает нам возможности ответить на эти действительно очень важные вопросы. Это фактически означает (что отмечает и сам автор статьи), что ответ на подобные вопросы зависит от пессимизма или оптимизма тех, кто эти вопросы формулирует.

Оставаясь в мире знаков и значений, следует отметить статьи, касающиеся глобализации средств массовой информации и глобализации рекламы. Богдан Юнг, проведший анализ процесса глобализации средств массовой информации, подчеркивает, что о глобализации можно говорить лишь в том случае, если а) некие действия предпринимаются в глобальном масштабе; б) эти действия координируются или организуются также на локальном уровне, а также в) содержат элементы взаимности и взаимозависимости; это приводит к тому, что локальные действия, предпринимаемые в разных частях мира, формируются под влиянием друг друга (С. 175).

Опираясь на такое определение глобализации, Юнг доказывает, что современная глобализация средств массовой информации воспроизводит раздел мирового рынка СМИ, существовавший в конце XIX в. Правда, между начальной стадией глобализации СМИ и современной глобализацией есть та существенная разница, что в глобализации конца XIX в. ведущую роль играли одновременно несколько государств — тогдашние колониальные империи, в свою очередь, сегодняшняя глобализация является по сути американизацией.

Этот тезис автор доказывает, приводя убедительные статистические данные, подтверждающие уровень концентрации глобального рынка средств массовой информации. И приводимые данные, и выводы автора стоят того, чтобы с ними ознакомиться.

Здесь следует обратить внимание на то, что концентрации СМИ способствует механизм, выявленный авторами работы «Победитель получает все общество»⁴, обратившими внимание на то, что новые технологии связи ведут к уменьшению средств дистрибуции, в частности и прежде всего медиа-продукции и программного обеспечения в самом широком значении этого слова. Благодаря тому, что доставка фильма, диска или программы с одного конца земли на другой происходит мгновенно и почти бесплатно, преимущество оказывается на стороне производителей, способных создавать технически наиболее продвинутые, высоко бюджетные фильмы: кто же после просмотра «Парка Юрского периода» захочет смотреть фильм, в котором нет компьютерной графики такого же высокого качества? Если добавить к этому способность быстро организовать рекламу в глобальном масштабе, то становится понятно, каким образом новые технологии способствуют продвижению на рынке глобальных производителей зрелищ.

Собственно проблемам рекламы как инструменту рыночной коммуникации в контексте коммуникации межкультурной посвящена статья Анны Козловской, озаглавленная «Реклама в процессе глобализации». Автор показывает, что, вопреки ожиданиям, в соответствии с которыми глобализация должна сопровождаться унификацией рыночной коммуникации (рекламы) и потребления, «в действительности процесс глобализации выявил возможности выбора разнообразных коммуникационных стратегий» (С. 213).

Особую группу проблем, подвергшихся анализу в контексте глобализационных процессов, составляют вопросы широко понимаемой социальной политики.

Таит ли экономическая глобализация угрозу обществу благосостояния?

Напомним, что вопрос о влиянии глобализации на социальную политику (или на размер и форму общества благосостояния) вызывает множество споров между теоретиками общественных наук и практиками политической деятельности.

⁴ R.H. Frank, P.J. Cook, *The Winner-Take-All-Society: Why the few at the Top Get So Much More Than the Rest of Us*; Penguin USA, 1996.

Бытует четыре различных трактовки этого явления. Первая из концепций гласит, что экономическая открытость провоцирует рост социальных расходов: глобализация, повышая риск, проявляющийся в изменчивости условий жизни и хозяйственной деятельности, ведет к повышению спроса на страхование, коллективной формой которого являются социальные расходы и социальная политика в целом. Согласно данной теории, дальнейшая либерализация и открытость в сфере экономики принесет в будущем рост совокупного дохода в мировом масштабе, однако в то же время она может спровоцировать снижение уровня экономической безопасности определенной части населения во многих странах мира. Эти люди будут требовать увеличения социальных расходов как своеобразной компенсации за снижение экономической безопасности. Таким образом, появляется разумный довод против стремления к минимализации общества благосостояния.

Согласно второй концепции, экономическая открытость позволяет «уйти» из страны мобильным факторам производства — и таким образом провоцирует снижение налогов и социальных выплат. Открытость национальных экономик создает в ходе конкурентной борьбы давление на производителей свободно конвертируемых благ и заставляет их снижать затраты. Высокие налоги, уставные ограничения, строгое регламентирование рынка труда и конфликтная позиция профсоюзов — все это связано с необходимостью прямого или косвенного увеличения расходов — в результате может ухудшиться конкурентоспособность фирм в данном секторе. Конкурентная борьба в глобальном масштабе заставляет фирмы и государства уменьшать свои социальные расходы, в той мере, в которой они в этой борьбе участвуют.

Третья концепция гласит, что экономическая открытость создает риск увеличения социальных расходов, поскольку такие расходы а) будут способствовать в перспективе увеличению минимальной продуктивности труда благодаря улучшению состояния здоровья работников, а также б) в силу снижения частотности промышленных конфликтов в эпоху ускоренной реструктуризации предприятий. Согласно этой гипотезе, экономическая глобализация противостоит обществу благосостояния (по Дж. Кейнсу), основная часть расходов которого приходится на пенсии по старости и инвалидности и здравоохранение, но создает благоприятные условия для общества, основанного на эффективной конкуренции (по

И. Шумпетеру) или *workfare*⁵ путем увеличения расходов на образование и программы подготовки и переподготовки специалистов.

Наконец, четвертая концепция гласит, что экономическая открытость оказывает минимальное воздействие на форму внутренней социальной политики, особенно если открытость государства в сфере экономики оказывается намного меньше, чем об этом говорят публицисты.

Помещенные в сборнике статьи, касающиеся проблематики социальной политики и промышленных отношений, косвенно соотносятся с каждой из перечисленных гипотез.

Так, статья Изабелы Ксионжкевич, озаглавленная «Формирование концепции третьего пути в социальной политике», содержит анализ дискуссии относительно третьего пути, или *via media*, между сокращением социальных обязательств государства во имя «экономического реализма» и попытками возвращения к разветвленной системе общества благосостояния.

В центре анализа, проведенного И. Ксионжкевич, оказываются идеи, формирующие публичный дискурс: проблема общественной значимости и наполнения идеи социальной справедливости (эта проблема рассматривается в связи с концепцией Дж. Роулса и уже ставшей классической его работой «Теория справедливости», а также с концепцией Э. Гидденса и Р. Дарендорфа). Ранее мы уже вспоминали о том, что традиционное государство благосостояния основывалось на мифах и идеологии сообщества, стремящегося к единству (например, шведский миф «народного дома»). И. Ксионжкевич, кажется, уверена, что в ситуации разрушения традиционных мифов можно заменить их легитимизирующую роль нормативной легитимизацией с использованием любой из теорий, определяющей границы ответственности государства и его обязанности перед гражданами. Представляется, что такая уверенность может оказаться иллюзорной, поскольку история развития покровительственных функций государства показывает, что подобные взгляды являются реакцией на социальный кризис и они исходят из компромисса между основными политическими актерами. Действительно, перед развитыми западными обществами уже возникла угроза мощного кризиса — это кризис, связанный с существованием,

⁵ Система социального обеспечения, стимулирующая получающих пособие братья за любую работу.

в терминологии Ульриха Бека, «лишних» людей. В то же время пока, вследствие кризиса представительской демократии и ее основных актеров, не видно ни самого намека на возможность выработки способного разрешить этот кризис компромисса, ни возможных форм институционализации такого компромисса.

Трансформации роли профессиональных союзов – одного из институциональных столпов европейского государства благосостояния – посвящена статья Юлиуша Гардавского и Рафала Товальского, озаглавленная «Перспективы трансформации профсоюзов в свете глобализации. Мир и Польша». В данной статье авторов интересует не роль профсоюзов в продвижении и поддержании институтов общества благосостояния, а способность профсоюзов реагировать на глобализацию процесса производства и экспансию транснациональных корпораций.

Рассмотрение отношений профсоюзы – транснациональные корпорации авторы начинают с констатации того факта, что глобализация разрушила традиционные формы промышленных отношений, изменила отношения между «трудом» и «капиталом» и привела к проявлению противоположных тенденций в системе промышленных отношений (С. 273).

Впрочем, авторы предостерегают от поспешных выводов и сами не спешат соглашаться с мнением, что международные корпорации руководят миром, используют работников в своих целях и ведут агрессивную политику по отношению к профсоюзам, поскольку реальная действительность намного сложнее, и международные концерны приспосабливаются к локальным условиям. С учетом растущего давления со стороны международных корпораций на профсоюзы в числе возможных путей уменьшения диспропорции силы Ю. Гардавским и Р. Товальским называются международная кооперация профсоюзов, выработка ими глобальной стратегии, создание международных отраслевых федераций, разработка универсальных рамочных форм промышленных отношений внутри отдельных стран, оказание давления на международные организации, и особенно на Европейский Союз, с целью обеспечения соблюдения базовых прав профсоюзов. У профсоюзов есть шанс, и это, если сформулировать все вышесказанное другими словами, противодействие транснацио-

нальным корпорациям на базе развития международного сотрудничества.

Нежелание использовать международные примеры и участвовать в международном сотрудничестве является, по мнению авторов, одной из основных причин слабости польских профсоюзов. Шанс преодолеть эту слабость Ю. Гардавски и Р. Товальски видят во вступлении в Европейский Союз и, как следствие этого, в ускоренной модернизации польского профсоюзного движения.

Представляется, что ослабление профсоюзного движения не является следствием исключительно, или даже в основном, экспансии транснациональных корпораций, это прежде всего результат трансформации системы рынка труда (в частности, разделение экономики на три сектора) и изменения в формах трудоустройства (в частности, распространение частичной занятости, неполного рабочего дня и нетипичных форм трудоустройства, таких, как работа по телефону). Эти глубокие и, как представляется, необратимые изменения приводят к тому, что коллективная репрезентация интересов работников, а также унификация условий их труда на практике усложняются.

Вопрос, возможна ли унификация или по крайней мере координация национальных программ социального обеспечения, является одной из основных проблем, рассматриваемых в статье Тадеуша Шумлича, озаглавленной «Социальное обеспечение — от локализации к глобализации». Т. Шумлич отмечает, что система социального обеспечения является выражением социальных предпочтений (С. 300), те же, в свою очередь, формируются с учетом местных традиций и условий. Возникает вопрос, можно ли в связи с этим унифицировать формы и объем социального обеспечения в международном масштабе, а также может ли подобная унификация выйти за рамки согласования минимальных стандартов. Автор напоминает, что существующие до сих пор международные стандарты в сфере социального обеспечения являются в большинстве случаев не чем иным, как декларациями. Это касается в том числе также стран, осуществляющих сотрудничество в рамках Европейского Союза, которые на практике в сфере социального обеспечения вместо унификации стремятся развивать принципы координации, призванные обеспечить передачу минимума полномочий для выделения

социальных благ гражданам одной из стран ЕС, работающим на территории другой страны — члена Союза.

Выявляя и анализируя трудности, возникающие в ходе создания международной системы социального обеспечения, Т. Шумлич в результате приходит к выводу, что «более высокого уровня социального обеспечения могут достичь работники-мигранты и их семьи лишь на основе личного страхования».

Воздействие экономической глобализации особенно сильно проявляется на уровне национальных государств. Время от времени приходится сталкиваться с мнением, что выиграть от ослабления государств смогут лишь субъекты субнационального уровня, в том числе, главным образом, регионы. Смогут ли местные власти воспользоваться также результатами кризиса национального государства благосостояния? Этому вопросу посвящена аналитическая статья Адама Кужиновского «Местная социальная политика и глобальное развитие». А. Кужиновски отмечает, что «социальная политика на местах вызывает живейший интерес, поскольку она касается удовлетворения жизненно важных потребностей жителей» (С. 307). Однако цели социальной политики на местах определяются, исходя из сферы и уровня местных потребностей и проблем. Местная социальная политика не может полностью заменить собой социальную политику на общегосударственном уровне. В сфере социальной политики должно существовать своеобразное вертикальное разделение труда, в рамках которого центральная власть и регионы являются партнерами. Статья А. Кужиновского может быть воспринята и как предостережение центральной власти от присвоения социальной политики, равно как и предостережение регионам, стремящимся к провозглашению своей самодостаточности в области социальной политики.

Дуализм мировой экономики — два мира глобализации

В текстах авторов сборника «Глобальная экономика — локальное общество» многократно упоминается то мощное влияние, которое оказывает экономическая глобализация на политику и институциональные решения в экономике и других областях общественной жизни отдельных государств. По каким каналам осуществляется это воздействие? На этот вопрос обычно отвечают, произнося на одном дыхании: через

потоки товаров, услуг, капиталов (в том числе прямых иностранных инвестиций), людей и идей, что это воздействие стало возможным благодаря уменьшению транспортных расходов и революции в телекоммуникации, а также отмечают, что ведущие мировые державы способствовали этим изменениям на основе принятия решений о либерализации, причем, принимая собственные решения, они также оказывали влияние на принятие подобных решений другими государствами.

Соответствует ли действительности такое представление о глобализации, охватывающей все страны? Или, может, новая реальность, триумфальное наступление которой провозглашают глобализированные СМИ, является уделом избранных?

Найти ответ на эти вопросы поможет знакомство с открывающей сборник статьей Александра Мюллера, озаглавленной «Структура мировой экономики на начальном этапе глобализации». Представляя и анализируя статистические данные, касающиеся мировой торговли, перемещения капитала, потоков и объемов иностранных инвестиций, А. Мюллер отмечает, что «сторонники глобализации рассматривают мировую экономику как единую систему, в то время как на самом деле она довольно сложна, в ней наблюдаются очевидные тенденции к поляризации — с одной стороны, выделяется развитая и богатая ее часть, а с другой — часть отсталая и бедная; пространство между этими отчетливо проступившими полюсами заполняют страны с промежуточным статусом» (С. 20). Более того, на полюсе богатства оказывается не более 20% населения всего мира. Это означает «неприспособленность большинства стран мира к реальным процессам глобализации, их экономическую, технологическую и социальную отсталость, низкий уровень образования и квалификации населения, а также непреодолимые препятствия на пути развития» (С. 24). Картина дихотомической структуры мировой экономики приводит А. Мюллера к выводу о том, что, хотя действительно «на пороге XXI века мир предстает совершенно иным, чем каких-нибудь 30-40 лет назад, он все еще остается диспропорциональной структурой, с неодинаковыми возможностями развития» (С. 24).

Можно ли ожидать выравнивания уровня экономического развития различных групп стран в ходе процесса глобализации? Этот вопрос оказывается в центре внимания статьи Эльжбеты Марковской на тему «Процессы глобали-

зации и „международная гонка за лидером“». Исходным толчком для анализа стала концепция «международной гонки за лидером» Манфреда Перлитца, согласно которой определяется место страны по отношению к лидерам мировой экономики. Используя данные, охватывающие период с 1929 по 1997 гг., автор демонстрирует существование «тенденции к выравниванию уровня экономического развития в рамках относительно небольшой группы стран, а также увеличение экономического разрыва между высокоразвитыми и развивающимися странами [...]» (С. 79). Читателя наверняка заинтересуют выводы Э. Марковской, касающиеся шансов развития Центральной Европы. Автор высказывается по этому поводу осторожно, но оптимистично, утверждая, что «возможностями развития, позволяющими странам менее развитым приблизиться к уровню высокоразвитых стран, располагают в настоящий момент — но также и в довольно долгосрочной перспективе — страны так называемой первой волны индустриализации, а также пять посткоммунистических государств, претендующих на вступление в Европейский Союз: Чехия, Эстония, Польша, Словения и Венгрия» (С. 75).

Какое будущее ждет Центральную Европу?

Представляется, что суть споров по поводу экономической глобализации состоит в различии между глобальным подходом и взглядом с позиции конкретной страны, социальной группы или же с точки зрения отдельного человека. Мало кто отрицает тот факт, что экономическая глобализация способствует росту благосостояния в глобальном масштабе. Суть споров касается распределения дивидендов от экономической глобализации, а также озабоченности тем, чтобы рост глобального благосостояния не происходил за счет обнищания отдельных народов. Анализ динамики процесса экономической глобализации должен быть (и рецензируемый сборник интердисциплинарных аналитических статей отвечает этим ожиданиям) анализом с политэкономической точки зрения, а не чисто экономической, даже если речь идет об экономике глобального благосостояния.

С сожалением приходится пропустить в настоящей рецензии ценные и интересные статьи о валютном кризисе (Рышарда Вильчиньского), о судьбах национальных валют

(Изабелы Завислинской), о проблемах, связанных с пониманием и попытками определения термина «капитализм» (Эдварда Тарнавского), пространства, локализации и места для предпринимательства (Йохана Стрыяна); роли консалтинга в процессе глобализации (Яна Д. Антошкевича), глобализации в сфере розничной торговли (Агнешки Коханец), управления холдингами с участием иностранных инвесторов (Павла Романа) и жилищного строительства в аспекте пространственного измерения глобализации (Мацея Цесарского), однако, следуя логике данного текста, хотелось бы завершить его рассмотрением двух статей, посвященных анализу трудностей, которые таит в себе участие в процессе глобализации стран Центральной Европы (Анны Зорской), а также проблемам экономической интеграции Польши и Европейского Союза в контексте глобализации (Яценты Северского).

На основании тщательного анализа механизмов экономической интеграции, роли технологии и институтов в ней Анна Зорска доказывает, что экономики стран Центральной Европы уже не «отделены» пропастью от системы мировой экономики. В то же время это не означает ни фактического преодоления, ни шансов для быстрого преодоления такой пропасти, поскольку «реальный прогресс в деле сближения экономической деятельности в Центральной Европе с системой мировой экономики не позволяет ей влиться в общий поток глобализации, поскольку существующие международные отношения не являются взаимозависимыми и сбалансированными, но носят асимметричный характер» (С. 226).

Статья Яценты Северского напоминает нам о том, что польский вариант глобализации представляет собой европеизацию, то есть налаживание хозяйственных и политических связей со странами Европейского Союза. Я. Северски приходит к однозначному выводу, что членство в Европейском Союзе полностью отвечает интересам Польши. В то же время он предостерегает от иллюзий относительно того, что механизм экономической интеграции начнет действовать автоматически: по его мнению, членство в ЕС дает Польше шанс экономического роста, без него Польша обречена вечно быть страной «полупериферии» (С. 240).

Заключение

Подвести итог обсуждению всех работ, помещенных в сборнике «Глобальная экономика — локальное общество», невозможно в одном абзаце. В настоящей рецензии многократно приходилось отмечать разнообразие сюжетов, тем и богатство информации, которые в нем можно найти. В то же время требовательный читатель мог бы заметить, что в сборнике вполне могло бы найтись место для анализа зарождения механизма глобального регулирования (эти проблемы затрагивают, в частности, Дж. Маджоне в *Regulating Europe* [Routledge 1996] и Дж. Брейтвейт и П. Даос в *Global Business Regulation* [Cambridge 2000], будь то в сфере охраны окружающей среды, безопасности продовольствия или в отношении проблем «чисто» экономических, таких, как глобальное регулирование в банковском секторе. В этом случае сборник стал бы еще более содержательным. Кто-то иной стал бы требовать создания общей теории экономической глобализации — простой и легко проверяемой. Но кто же сегодня способен выполнить подобное требование?

У автора этих строк нет сомнений в том, что книга «Глобальная экономика — локальное общество» отражает современный уровень знаний на тему процессов экономической глобализации и их последствий для общественной жизни. Именно поэтому, уверен, она окажется в списке обязательной литературы для всех польских читателей, интересующихся проблематикой глобализации.

Александр Сурдей

Eric Shiraev and Vladislav Zubok, *Anti-Americanism in Russia: From Stalin To Putin*, Palgrave, New York 2000

Как сообщают авторы уже в первой фразе, книга является попыткой дать ответ на вопрос, каковы причины столь удивительной неприязни многих россиян к Соединенным Штатам. Удивительной, ибо, как утверждают Эрик Ширавев (преподаватель в *George Mason University*) и Владислав Зубок (историк из *George Washington University*), даже в советское время только шовинистски настроенная часть номенклатуры

и немногочисленная группа бездумных поглотителей пропаганды испытывали искреннюю ненависть ко всему американскому. Чем же объяснить взрыв антиамериканизма спустя несколько лет после того, как в России начались демократические преобразования? – спрашивают авторы, тем самым относя себя к приверженцам тезиса, что сегодняшний антиамериканизм россиян – явление новое, только в небольшой мере обусловленное прошлым.

В соответствии с названием, авторы в своем анализе обращаются к сталинским временам, а точнее – к началу холодной войны, справедливо полагая, что именно тогда Соединенные Штаты стали для советских руководителей точкой отсчета, «антиэталоном», необходимым в кампании, направленной на создание не только альтернативной политической и экономической системы, но и «нового человека». Основным инструментом формирования неприязненного отношения к США была пропаганда, которая, однако, по оценке Шираева и Зубка, со временем превратилась в ритуал, совершаемый без особой убежденности в его правильности. Впрочем, достаточно вспомнить лозунг Никиты Хрущева – «догнать и перегнать» США, чтобы осознать, что даже руководители СССР в своем восприятии Америки колебались между восхищением и завистью (или – как считают некоторые – между любовью и ненавистью). Противоречивость в восприятии Соединенных Штатов вытекала из двойственности восприятия мифологизированного Запада, наверное, наиболее характерной черты российского социального и политического мышления. Продолжающийся с начала XIX века спор между «славянофилами» и «западниками» о методах преодоления российской отсталости, правда, несколько приутих после переворота 1917 г., однако вскоре после этого возродился и, хотя был втиснут в новые формы, сохранил силу воздействия на менталитет новых элит. Шираев и Зубок в первой главе своего труда весьма точно определяют симптомы «советского антиамериканизма», сформированного антизападными традициями, которые творчески развивались в обстановке постоянного противостояния эпохи холодной войны.

Используя обширные источники, а также собственный опыт, авторы доказывают, что советская пропаганда оказалась обоюдоострым оружием. С одной стороны, несомненно, она подпитывала неприязнь к американскому правительству и финансовым элитам (но, что интересно, не к «угнетаемому

империалистами американскому народу»), с другой же – отсутствие гибкости, заметное в злоупотреблении десятилетиями повторяемых слоганов, лишало ее доверия в глазах граждан. Анахроничность лозунгов становилась особенно заметной в сопоставлении с приходящей с 60-х годов в СССР волной американской поп-культуры.

Авторы сформулировали провокационный тезис о том, что вместе с падением СССР канул в прошлое также антиамериканизм. В главе под знаменательным названием «Падение и эйфория» они рассматривают неожиданный взрыв симпатии к США, который наступил вскоре после начала перемен. Повсеместный энтузиазм, как среди интеллигенции (в том числе ярых до недавнего времени марксистов), так и других социальных слоев, вытекал из наивного убеждения, что высвобождение из корсета окостеневшей идеологии не только самопроизвольно будет стимулировать развитие, но и заставит Запад пригласить Россию в свой круг.

Вскоре, однако, оказалось, что взрыв проамериканских чувств был довольно поверхностной реакцией. Идеализация Соединенных Штатов закончилась вместе с появлением первых симптомов глубокого кризиса системы. В главе под названием «Россия в эпоху Великого Кризиса» авторы описывают механизм перерождения всеобщей симпатии к США в неудовлетворенность, разочарование и, наконец, глубокую неприязнь. Экономический кризис, угроза распада государства, политическая нестабильность и, наконец, резкое снижение уровня жизни требовали найти виновных. Соединенные Штаты оказались лучшим претендентом на роль козла отпущения, который был необходим для оправдания собственных неудач.

Однако, как отмечают Шираев и Зубок, «новый антиамериканизм» не развился бы в такой степени, если бы для большинства политических кругов (в том числе и демократических) он не стал своеобразным ответом на задаваемый еще на закате СССР вопрос о сущности России. Возрастала популярность лозунгов о глобальном антироссийском заговоре под руководством США, которые якобы стремились к окончательному унижению и уничтожению России. В следующей главе авторы книги рассматривают процесс возрождения националистической идеологии – евразийства, национального большевизма, в частности, их вызывающее опасения воздействие на политические элиты, особенно те, которые занимаются внешней

политикой. Ширав и Зубок, однако, не преувеличивают значение антиамериканизма, относя его к инструментам внутренней политики, рассчитанным на консолидацию разочарованного электората.

Апогей популярности антиамериканской риторики наступил во время интервенции НАТО в Югославии. Полная неожиданность кампании вызвала истеричную реакцию политиков различных фракций. Подобным образом реагировали российские СМИ, нагнетая в обществе атмосферу угрозы и пугая американским экспансионизмом. По мнению авторов, в ту пору существовал риск, что антиамериканизм, формировавшийся до сих пор мышление только части элиты, мог в условиях общенародного консенсуса получить действительную поддержку общественного мнения.

Тем не менее победили реализм и сознание, что, изолируясь от Запада и лишаясь необходимой финансовой помощи, Россия не сможет восстановить даже часть утраченного престижа. Ширав и Зубок затрагивают еще одну небезынтересную тему, а именно последствия налетов на Югославию для дальнейшего развития российской политики. Авторы утверждают, что после расширения НАТО это был очередной урок, который помог переформулировать принципы внешней политики государства.

В последней главе книги содержатся результаты размышлений о том, какую роль может играть антиамериканизм при президенте Владимире Путине, представляя (возможно, несколько поверхностно) три возможных сценария. В первом, по мнению авторов, наиболее вероятном, предусматривается улучшение отношений между Россией и США, если предположить, что президент и в дальнейшем будет руководствоваться реализмом, не используя антиамериканизм в качестве политического инструмента. Во втором содержатся опасения, что стремление Путина к восстановлению престижа России может привести к нарастанию напряженности в отношениях с США. И, наконец, третий сценарий предусматривает, что Путин потеряет общественную и политическую поддержку и начнется внутренняя борьба за влияние, в которой, несомненно, будет использоваться антиамериканская риторика. И это, собственно, единственная глава книги, которая вызывает некоторое разочарование. Авторы бесосновательно сводят антиамериканизм лишь к роли инструмента во внутренней политике России. Они ставят его будущее в зависимость от

направления политики, выбранного президентом Путиным, забывая о глубокой неприязни (о которой сами же пишут в предыдущих главах, ссылаясь на результаты опросов общественного мнения), которую испытывает значительная часть российского общества к мировой сверхдержаве. Даже сегодня, когда у нас за плечами опыт 11 сентября 2001 года, когда усилилось сотрудничество между РФ и США в контексте антитеррористической кампании, результаты опросов, проводимых в России, показывают, что все еще почти половина граждан относится к Соединенным Штатам с недоверием и подозревает их в скрытых (неприязненных по отношению к России) намерениях.

Кроме того, в книге явно не хватает представления российского антиамериканизма на фоне других регионов мира, которые не испытывают особого благоговения по отношению к сегодняшней сверхдержаве. Хотелось бы узнать ответ на вопрос, каковы источники сходства и в чем состоят различия, например, между чующими американский заговор российскими националистами и исламскими фундаменталистами, или узнать, насколько российский антиамериканизм вписывается в деятельность антиглобалистских движений. В прочих погрешностях исповедуются сами авторы, признаваясь, в частности, в слишком упрощенном представлении воздействия элит на позицию всего общества. Авторы слишком легко заключают, что современный российский национализм, а следовательно, и антиамериканизм являются порождением новой эпохи, побочным эффектом начатых заново поисков национальной самоидентификации и неуспехов во внедрении демократии.

Огромным достоинством книги является многосторонний подход авторов к проблеме. Обычно труды такого рода сосредотачиваются на анализе политических или историософских взглядов, преобладающих в данный момент среди элит. Шираев же и Зубок пытаются исследовать феномен антиамериканизма в более широкой перспективе, не только исторической или политологической, но и социологической (опросы). Признавая *a priori*, что существует множество причин неприязненного отношения к США, они обращаются также к общественной психологии, пытаясь с ее помощью анализировать перемены в общественных позициях, которые происходили в СССР и России под воздействием изменений (например, синдром утраченной империи).

Среди многих интересных наблюдений заслуживает внимания рассматриваемый авторами эффект маятника – колебания российского отношения к Соединенным Штатам от недоверия и страха через восхищение и надежду к подозрительности и отвержению. Не углубляясь в обоснованность этих наблюдений, можно сделать из них вывод, что длящееся на протяжении года российско-американское сближение, хоть и непосредственно вызванное нападениями террористов, может свидетельствовать о начале растущего цикла, в котором доминируют взаимное доверие и сотрудничество. И здесь возникает вопрос: в какие одеяния облачится очередное проявление антиамериканской фобии, когда маятник начнет опускаться? Является ли российский антиамериканизм необратимым явлением? Это лишь некоторые вопросы, которые появляются после прочтения книги Ширавеа и Зубка и на которые все еще нет однозначного ответа.

Эрнест Выцишкевич

Rosalind Marsh (ed. and trans.), *Women in Russia and Ukraine*, Cambridge University Press 2001, 350 p.

Есть целый ряд причин, по которым стоит обратиться к книге *Women in Russia and Ukraine*, даже если читатель не является специалистом в вопросах пола и весьма скептически относится к феминизму. Эта книга вызывает интерес и склоняет к размышлению. Она легко читается, так как затрагивает множество весьма разнообразных и совсем не банальных вопросов. Из перспективы этой публикации легче понять столь серьезные проблемы современной России, как, например, нынешняя демографическая ситуация.

Это уже второе издание коллективного труда знатоков проблематики *gender studies*, происходящих как с Запада, так и из стран бывшего Советского Союза. Первое издание, которое было принято с большим интересом, вышло в 1996 году. С той поры, несомненно, исследования, посвященные гендерной проблематике и в России, и на Украине, значительно продвинулись вперед. *Gender studies* во времена СССР были совершенно неизвестной областью науки. А вопрос равноправия полов, в принципе, вообще не затрагивался. Коммунизм

нес с собой весьма своеобразный подход к этой проблематике. Никким образом нельзя было оспаривать выдвинутый партией тезис о том, что «женский вопрос уже решен». Нет проблемы, следовательно, нет и дискуссии. Парадоксально, но в то время, когда советские власти заявляли, что уже наступила полная эмансипация женщин, по сути дела СССР оставался одним из наиболее мизогинических государств в Европе. Начинаясь во времена Брежнева феминистское движение действовало в глубоком подполье. В 90-е годы – как бы в результате стремления наверстать упущенное – закономерно произошел взрыв интереса к нему, принесший целый ряд трудов, многочисленные конференции и симпозиумы. Тем не менее *gender studies* все еще более динамично развиваются на Западе.

Несмотря на то, что со времени первого издания прошло шесть лет, этот труд ни в коей мере не утратил своей актуальности. Огромным достоинством статей, опубликованных в этой книге, является то, что они опираются на богатые источники, архивные материалы, ранее вообще не изучавшиеся, а также обращение к прошлому. *Women in Russia and Ukraine* – это, по сути дела, история, увиденная глазами женщин. Из 21 статьи, опубликованной в книге, значительно меньшая часть относится к современности, затрагивая такие текущие проблемы, связанные с положением женщин в России и на Украине, как влияние экономических реформ на жизнь женщины, стиль жизни молодых женщин, сексуальные меньшинства, проблемы родов и аборт, порнография. Перед глазами читателя этого сборника предстают как исторические реалии, относящиеся еще к средневековой Руси, так и прежде всего те, которые дают представление о советской эпохе.

Труд содержит результаты исследований, проведенных в области различных научных дисциплин. Кроме истории, мы имеем здесь дело с литературоведением, психологией, социологией. Представленные статьи группируются по четырем разделам. Первый посвящается женщинам в российской и украинской истории. Особый интерес вызывает статья Линдси Хьюз, анализирующая на примере двух церемоний бракосочетания Петра Великого социальные и бытовые перемены в России XVII века. Автор статьи показывает, какое влияние на судьбы женщин оказывала навязанная сверху трансформация обычаев и повседневной жизни по западноевропейскому образцу. При этом он рисует интереснейшие портреты

российских матрон, боярынь, которым вдруг повелели выйти из укромного традиционного терема, женской части дома. Им было также велено снять традиционные сарафаны и переодеться в модные западноевропейские наряды, чтобы они могли вести светскую жизнь рядом со своими мужьями, лишенными привычных бород.

Жизнь удивительно эмансипированных – для тогдашних условий – женщин в казацком обществе является темой статьи другого автора – Шейн О’Рурк. Катриона Келли также пишет об эмансипации женщин, которая произошла в экономической сфере во второй половине XIX века. Это четвертый раздел сборника под несколько неожиданным названием: *Teacups and coffins: the culture of Russian merchant women 1850–1917* (Чашки и гробы: культура российских купчих). Хильда Хунгенбум рисует нам образ необыкновенной женщины – Веры Фигнер – весьма своеобразной феминистки, которая в то же время была революционером. Во имя революционных целей она была готова принести в жертву свои идеалы, связанные с равноправием женщин. Сначала революция, потом эмансипация. Как мне известно уже сегодня, из перспективы опыта послереволюционной России до начала перестройки, Вера глубоко ошибалась. Революция не повлияла на улучшение положения женщин в России.

Следующая часть книги посвящена именно советской эпохе. Это продолжение мотива женщин в истории, хотя труды в этой части анализируют типичные темы, входящие в круг интересов *gender studies*. Дженет Хайер описывает «заведование женским телом» на примере некоторых аспектов медицины труда. Сьюзен Гросс Соломон развивает мотив сексуальности и невинности в советской медицинской дискуссии. А Кристофер Уильямс анализирует влияние абортов на здоровье женщин. Интересные наблюдения содержатся в статье Хилари Пилкингтон, посвященной стилям поведения молодых женщин. В конце этой части книги можно найти «ударную статью» Елены Стишовой о сексуальности в эпоху перестройки и начале своеобразной сексуальной революции.

В проблематике статей, помещенных в четвертой части, которая озаглавлена «Женщины и труд», особый интерес вызывает социальная роль женщины-стахановки, представленная в работе Мэри Бакли. Этот эталон, пропагандируемый в эпоху коммунизма, в самое мрачное время правления Сталина, является печальным примером искажения идеала равно-

правления в сфере труда. Влиянию экономической трансформации на жизнь российских и украинских женщин посвящены все статьи, помещенные в этой части книги. Особого внимания заслуживают аналитические размышления Сью Бриджер и Линн Этвуд. Обе они считают, что экономическая либерализация не равнозначна освобождению женщин в обыденном понимании этого слова. Усиливающиеся в связи с трансформацией кризисы сталкивают женщину на худшую позицию по сравнению с положением мужчин.

Четвертая часть – «Феминизм и политика в России и на Украине» – представляет современное положение женщин, а также указывает перспективы развития феминистского движения. Наиболее поразительна констатация, вытекающая из этой части книги, что феминистское движение не имеет широкой поддержки среди российских и украинских женщин. Лозунги равноправия они воспринимают прохладно, как западные новшества, которые еще неизвестно к чему могут привести. В этом контексте весьма интересной является статья Мариана Рубчака под несколько замысловатым заглавием «Христианская девственница или языческая богиня. Феминизм и вечная женственность на Украине». Рубчак обнаруживает, что современные украинки, а, вероятно, также россиянки и белоруски в глубине души опасаются, что феминизм лишает их женственности. В общем женщины скорее пассивны по отношению к окружающей их действительности. Думается, что феминистское движение в России, на Украине и в других постсоветских государствах – это явление элитарное, ибо широкие круги женщин в нем не участвуют. Тем не менее оно развивается весьма бурно и очень действенно обращает внимание на проблемы женщин в современных социально-политических реалиях. Следует подчеркнуть международный аспект *gender studies* в отношении исследований, посвященных российским женщинам. Они были начаты на Западе, причем только в 70-е годы прошлого столетия. Если бы не поддержка и помощь западноевропейских и американских специалистов в этой области, исследования по вопросам пола никогда не достигли бы такого развития на территории бывшего СССР.

Иоанна Ходор

